

На правах рукописи

РОДИКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

**ТВОРЧЕСТВО К.К. ПАВЛОВОЙ
В КОНТЕКСТЕ РУССКО-НЕМЕЦКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ
СВЯЗЕЙ XIX В.**

10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов – 2012

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы и фольклора
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Жаткин Дмитрий Николаевич

Официальные оппоненты Демченко Адольф Андреевич,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой литературы и
методики ее преподавания
ФГБОУ ВПО «Саратовский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

Воронова Надежда Павловна,
кандидат филологических наук,
преподаватель Центра языка и культуры
«Слово» (г. Саратов)

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный
университет»

Защита состоится «20» декабря 2012 г. в «___» час. на заседании
диссертационного совета Д 212.243.02, созданного на базе ФГБОУ ВПО
«Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», по
адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус XI, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке
Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю. Н. Борисов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность данной работы обусловлена значимостью для сравнительного литературоведения, базирующегося на определении фактов взаимовлияния русской и зарубежной литератур, анализа условий рецепции отдельными русскими писателями творчества немецких поэтов и историко-культурных черт иноязычной среды, а также обстоятельств проникновения произведений русской литературы к западноевропейскому читателю. Исследования Б.К.Рапгофа, Ю.И.Айхенвальда, П.П.Громова, Б.Я.Бухштаба, М.Ш.Файнштейна и др., осуществленные в разные годы, дают представление о некоторых аспектах биографии и литературной деятельности русской поэтессы и переводчицы Каролины Карловны Павловой (1807 – 1893), прежде всего, об ее оригинальном поэтическом творчестве на русском языке, обстоятельствах, способствовавших появлению отдельных произведений. В диссертациях прежних лет (И.С.Алексеева, Н.В.Фомичева, Н.А.Табакова, Е.В.Изусина) международные связи творчества К.К.Павловой затронуты фрагментарно, в контексте тех проблем, рассмотрение которых являлось основополагающим для диссертантов. В связи с этим представляется актуальным целостное осмысление вопроса с привлечением материала оригинального немецкоязычного творчества поэтессы, фактов художественного осмысления ею произведений немецкой поэзии (в частности, Ф.Шиллера, А.Шамиссо, Г.Гейне, Ф.Фрейлиграта, Ю.Гаммера, Ф.Рюккерта, Э.Шульце) и переводов художественных текстов русских писателей на немецкий язык.

Обращение к творчеству К.К.Павловой также связано с наметившимся в последние годы ростом интереса к художественному наследию малоизученных в прошлые десятилетия русских писателей XIX в., вызвавшим корректировку традиционных представлений, происшедшую в результате заполнения определённых лакун в сфере научного знания. Настоящее диссертационное исследование, дополняя материалы о К.К.Павловой, выявленные авторами диссертаций о ней конца 1990-х – 2000-х гг., представляет собой первый опыт целостного изучения творчества русской поэтессы и переводчицы в русско-немецком литературном и историко-культурном контексте, в связи с чем в нем максимально полно представлено всё многообразие связанных с избранной темой художественных деталей, учтены отдельные (в том числе и незначительные) особенности, характеризующие восприятие К.К.Павловой реалий и образов немецкого мира, немецкой культурной ментальности.

Цель нашего исследования – анализ творчества К.К.Павловой в контексте русско-немецких литературных и историко-культурных связей XIX в., осмысление соотнесенности художественного наследия русской писательницы с немецкой поэзией, тенденциями общественно-литературного развития в Германии, а также восприятие и отражение в ее произведениях немецких реалий и образов культурного мира.

Цель конкретизируется в постановке исследовательских **задач**:

1) проанализировать оригинальное поэтическое творчество К.К.Павловой на немецком языке;

2) осмыслить своеобразие выполненных К.К.Павловой переводов произведений русской литературы (В.А.Жуковского, В.И.Панаева, А.С.Пушкина, А.А.Дельвига, Е.А.Баратынского, Н.М.Языкова, Д.В.Веневитинова, О.М.Сомова, М.Ю.Лермонтова, А.С.Хомякова, А.А.Фета, А.К.Толстого) и фольклора на немецкий язык;

3) выявить художественные особенности осуществленных К.К.Павловой переводов немецкой поэзии (Ф.Шиллера, А.Шамиссо, Г.Гейне, Ф.Фрейлиграта, Ю.Гаммера, Ф.Рюккерта, Э.Шульце и др.) на русский язык.

Объект исследования – оригинальная поэзия К.К.Павловой на немецком языке, немецкоязычные переводы К.К.Павловой произведений русской литературы и фольклора, ее русские интерпретации отдельных лирических текстов немецких поэтов-современников. **Предмет исследования** – творческая деятельность К.К.Павловой как поэта-переводчика в контексте русско-немецкого литературного и историко-культурного взаимодействия.

Новизна исследования. В диссертации впервые осуществлено целостное осмысление творческой деятельности К.К.Павловой в контексте русско-немецких литературных и историко-культурных связей и в соотношении с основными тенденциями развития литературы и художественной культуры Германии. Впервые осуществлен лексико-семантический, структурный и стилистический анализ поэтических переводов К.К.Павловой на немецкий и русский языки в сопоставлении с оригиналами, созданными В.А.Жуковским, А.С.Пушкиным, М.Ю.Лермонтовым, Ф.Шиллером, Г.Гейне, Ф.Фрейлигратором и др., что позволило выявить значимые различия и определить особенности индивидуально-авторского стиля К.К.Павловой. В исследовании также впервые представлено многоаспектное осмысление оригинальной поэзии К.К.Павловой на немецком языке, отмечены личностные и творческие контакты поэтессы с деятелями культуры и искусства Германии, систематизированы оценки, данные ею их творческим достижениям. Диссертационное исследование способствует развитию научного знания в области сравнительного литературоведения, русско-немецких литературных и историко-культурных связей XIX в.

Положения, выносимые на защиту:

1. В оригинальном творчестве К.К.Павловой значительное место занимает поэзия на немецком языке, создававшаяся на двух этапах жизни – во второй половине 1820-х – первой половине 1830-х гг. и в 1860 – 1870-е гг. В немецкоязычной лирике К.К.Павловой раннего, романтического периода ощутимо влияние московской салонной культуры, философии Ф.-В.Шеллинга, романтических произведений Ф.Шиллера и А.С.Пушкина, проявившееся в сочетании особенностей художественного языка русских романтиков и жанровых форм, поэтических сюжетов и образов, заимствованных из немецкой литературы. Поздний период немецкоязычного творчества поэтессы, соотносимый с коренными изменениями в ее творческой судьбе и с постоянной жизнью в Германии, характеризуется насыщенностью реалиями различных

европейских культур и использованием мотивов ностальгической тоски, одиночества.

2. При всем многообразии имен русских писателей, привлечших внимание Павловой как переводчицы с русского на немецкий в ранний московский период жизни, следует отметить ее преимущественный интерес к современному литературному процессу, во многом обусловленный как вкусами светского общества, так и личным знакомством с М.Ю.Лермонтовым, Н.М.Языковым, А.С.Хомяковым, А.А.Фетом и др. Отдавая предпочтение современной поэзии, Павлова вместе с тем эпизодически обращалась к произведениям русского песенного фольклора, к прозе эпохи романтизма (А.С.Пушкин, В.И.Панаев, О.М.Сомов). В конце 1850-х – первой половине 1870-х гг. поэтесса, жившая к тому времени в Дрездене, сконцентрировалась на интерпретации произведений А.К.Толстого, ставшего ее единственным связующим звеном с русским миром, с русским литературным процессом, причем среди ее переводов были и лирика, и поэма «Дон Жуан», и части драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис». Немецкие переводы Павловой отличаются сохранением стилистических особенностей, образного и предметного планов русских подлинников, использованием элементов «интеллектуализации», в частности «объяснительства», приводящего к увеличению объема переводных текстов в сравнении с оригинальными.

3. В разные годы К.К.Павлова обращалась к переводу на русский язык произведений немецких поэтов, причем не только тех, кто был хорошо известен русским читателям (Г.Гейне, Ф.Шиллер, Ф.Фрейлиграт, А.Шамиссо), но и тех, кто оставался на периферии литературного процесса, вне поля зрения других переводчиков (Ю.Гаммер, Ф.Рюккерт, Э.Шульце и др.). Специфика ее переводов с немецкого на русский состоит в иной акцентировке значимых деталей и образов, в абстрактизации конкретной лексики, в стремлении к сохранению формальных особенностей и образного плана оригинальных текстов, сочетавшимся с использованием русизмов, приводившим к очевидной русификации создаваемых произведений. В значительной мере сохранив внутреннюю атмосферу немецких оригиналов, К.К.Павлова смогла отразить в переводах и собственные эмоции, переживания, обусловленные своеобразием творческого мировосприятия, обстоятельствами личной жизни, общественно-политическими процессами.

4. Сопоставительный анализ переводных произведений К.К.Павловой и предшествовавших их появлению оригинальных текстов, а также целостное рассмотрение ее немецкоязычной поэзии позволяют говорить об одинаково совершенном владении поэтессой русским и немецким языками, постоянном использовании их в литературной деятельности и, следовательно, о билингвизме ее творчества. К.К.Павлова как поэт-билингв способствовала продвижению литературных и культурных достижений Германии в России и России в Германии, содействовала повышению взаимного интереса к отдельным явлениям литературного процесса, развитию межкультурного диалога.

Теоретико-методологической базой диссертации стали труды классиков сравнительно-исторического литературоведения А.Н.Веселовского и В.М.Жирмунского, фундаментальные исследования Н.И.Балашова, М.М.Бахтина, В.И.Шаповалова, работы М.П.Алексеева и представителей его научной школы (Ю.Д.Левин, Р.Ю.Данилевский, П.Р.Заборов, В.Е.Багно, Д.М.Шарыпкин и др.), исследования в области истории поэтического перевода (Г.Р.Гачечиладзе, Е.Г.Эткинд, П.М.Топер, А.Н.Гиривенко и др.), лингвистического переводоведения (А.В.Фёдоров, Т.А.Казакова, Л.Л.Нелюбин, Г.Т.Хухуни, Р.Р.Чайковский и др.), проблем взаимовлияния русской и инонациональных литератур (А.А.Аникст, А.Б.Ботникова, Н.Н.Вильмонт, Я.И.Гордон, Д.Н.Жаткин, Н.М.Ильченко, А.Н.Николюкин, С.В.Тураев и др.), позволившие раскрыть характерные особенности поэтики К.К.Павловой, увидеть в ее творчестве иновливания и черты национального своеобразия. Нами используются культурно-исторический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, социокультурный и биографический методы исследования, а также приёмы комплексного, проблемного, сопоставительного и эстетического анализа художественных произведений.

Теоретическая значимость исследования обусловлена развитием научных представлений в области истории русской переводной художественной литературы, русского поэтического перевода, русско-немецких литературных связей в аспекте осмысления творчества К.К.Павловой в международном литературном и историко-культурном контексте.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования основных положений и выводов исследования при подготовке курсов лекций по истории русской литературы XIX в., истории зарубежной литературы XIX в., истории русской литературной критики, а также при историко-литературном, стилистическом и текстуальном комментировании произведений К.К.Павловой и связанных с ними сочинений русских и немецких писателей. Материалы диссертации могут найти применение в исследованиях в области теории и практики художественного перевода, русско-немецких литературных взаимосвязей, сравнительного литературоведения и переводоведения, межкультурной коммуникации.

Апробация диссертации была осуществлена на III Крымском лингвистическом конгрессе «Язык и мир» (Ялта, 2011), Международной научно-методической конференции «Языковые и культурные контакты различных народов» (Пенза, 2011), Международной научно-практической конференции «Проблемы прикладной лингвистики» (Пенза, 2011), Всероссийской научно-практической конференции «Вопросы теории и практики перевода» (Пенза, 2012), а также в выступлениях на внутривузовских научных конференциях преподавателей Пензенской государственной технологической академии (2010 – 2012), в восьми научных публикациях в журналах перечня ВАК.

Структура диссертации включает введение, три главы, заключение и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* определяются цель, задачи, обосновываются актуальность решения поставленных научных проблем и степень разработанности вопроса, характеризуется теоретико-методологическая база, отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В *главе первой «Германия в жизни К.К.Павловой и ее оригинальное поэтическое творчество на немецком языке»* дана общая характеристика творческой деятельности К.К.Павловой в аспекте русско-немецких литературных связей, установлены биографические и историко-культурные связи писательницы с Германией, исследовано поэтическое творчество К.К.Павловой на немецком языке.

В *параграфе первом «Биографические и историко-культурные связи К.К.Павловой с Германией»* отмечено, что К.К.Павлова уже на раннем этапе творчества (1830-е – начало 1840-х гг.) активно занималась переводами на русский, немецкий и французский языки произведений отечественных и западноевропейских писателей, среди которых можно назвать имена А.С.Пушкина, В.А.Жуковского, М.Ю.Лермонтова, Н.М.Языкова, А.Шамиссо, Ф.Рюккерта, Г.Гейне, Ф.Фрейлиграта, Ю.Гаммера, Дж.-Г.Байрона, В.Скотта и др. Творческую репутацию Павловой-переводчицы существенно укрепили ее постоянное участие в жизни московских литературных салонов и выход в 1833 и 1839 гг. сборников ее переводов – «Das Nordlicht <...>. Proben der neuen russischen Literatur» и «Les préludes». При этом Павлова не только создавала произведения на немецком (преимущественно) и французском языках, но и могла в этих текстах использовать вкрапления из других европейских языков, например, эпиграф стихотворения «Alvar der Talador» («Альвар Таладор», 1833) написан ею на испанском: «Fuerte qual azero entre armas, / I qual cera entre las Damas. / Aguarda, aguarda! que vengo! / Que vengo, que vengo, aguarda!» [Крепостью я буду среди войн, / Платяной корзиной я буду среди дам. / Подожди, подожди! я приду! / Я пришел, я пришел, подожди!].

В оригинальной поэзии Павловой на русском и немецком языках образы германских городов представлены с характерной доброжелательностью, причем отмечены особенности мягкого климата, красота природы, остающейся все же чуждой для поэтессы: «Здесь остаюсь я – здесь, где все мне ново, / Где я чужда и людям, и местам» («Дрезден» («Смотрю с террасы. Даль береговая...»), 1860); «Полон весь простор окрестный / Торжествующей, чудесной, / Ненаглядной красоты!» («Озеро Вален», 1861); «Gute, ruß`ge Stadt» [Добрый, закоптелый город] («Dresden steht noch an der Elbe...», 1871). Саксонские мотивы прослеживаются не только в оригинальной поэзии Павловой, но и в ее путевом очерке «От Москвы до Дрездена» (1859), фрагменты которого, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН, опубликованы американским исследователем Муниром Сэндичем в журнале «Russian Literature Journal» в 1974 – 1975 гг. Фрагмент очерка Павловой, посвященный Дрездену, хотя и представляет собой панегирик прекрасному,

высокому, восторженный рассказ о жизненном устройстве и талантливости немцев, все же создан через призму видения, восприятия человека, знавшего Россию, а потому в нем саркастически представлены те черты русского бытия, что не соответствуют рамкам европейского общества. Впрочем, ирония очерка «От Москвы до Дрездена» соседствовала у Павловой в эти годы с тоской по родине, выраженной в стихотворениях «Бежал корабль, прорезывая бело...», «Dresden steht noch an der Elbe...» и др.

После неудачной попытки обосноваться в Дерпте и участия в организованном А. фон Гумбольдтом «восточном» путешествии Павлова в середине ноября 1858 г. поселилась в Дрездене, в ту пору столице Саксонии, неоднократно упоминавшейся в ее произведениях прежних лет. Дружеские и творческие отношения Павловой, зародившиеся в Германии, получили развитие в ее поэтических произведениях, созданных в те годы на русском и немецком языках – «An A. v. Humboldt» (1833), «Nimm zum heil`gen Weihnachtsfeste...» (1861), «Гр. А.К.Толстому» (1863) и др. В частности, в стихотворении «Страницы часть в альбоме этом...» (1861), внесенном Павловой в альбом композитора Б.А.Фитингоф-Шеля и повествующем о несочетаемости звуков и стихов, поэтесса высоко оценила создаваемую им музыку в сравнении со своими литературными трудами: «Стоять неловко, и похож / Близ стройных тонов стих мой бедный / На мещанина средь вельмож».

В оригинальном и переводном творчестве Павловой на русском и немецком языках получили отражение реалии взаимодействия культур и литератур двух народов, обстоятельства знакомства с выдающимися писателями и деятелями искусства, а также с шедеврами, представляющими собой вершины культурных достижений двух стран. Отмечая общность и различие культурных, эстетических, жизненных ценностей русских и немцев, Павлова воспринимала и русскую, и немецкую литературу как части мирового литературного процесса, основанного на взаимодействии, взаимовлиянии, освоении традиций.

Во *втором параграфе «Оригинальное поэтическое творчество К.К.Павловой на немецком языке»* выделено два периода в немецкоязычном творчестве К.К.Павловой: стихотворения второй половины 1820-х – первой половины 1830-х гг., относящиеся к раннему, романтическому этапу ее поэтической деятельности; и произведения 1860 – 1870-х гг., принадлежащие к поздней, реалистической поэзии Павловой, соотносимой с коренными изменениями в ее творческой судьбе.

В *первом разделе второго параграфа «Немецкоязычное творчество К.К.Павловой второй половины 1820-х – первой половины 1830-х гг.»* рассмотрены стихотворения К.К.Павловой на немецком языке, созданные во второй половине 1820-х – первой половине 1830-х гг.: «Es wurden in dem düstern Erdenleben...» («В мрачной земной жизни...», 1827), «Gedenke mein, wenn Hespers Plasenschleier...» («Помни меня, когда покровы Геспера...», 1827), «Alvar der Talador» («Альвар Таладор», 1833), «Flucht und Rückkehr» («Побег и возвращение», 1833), «An A. v. Humboldt» («К А. фон

Г<у>мб<оль>дту», 1833), «Lied» («Песня», 1833), «Sonnett. Der Abend» («Сонет. Вечер», 1833), «Sängers Abendgruß» («Вечерний поклон певца», 1833), «Die Nixe» («Русалка», 1833) и «Die Geisterstunde. Eine Phantasie» («Час духов. Фантазия», 1833). В частности, в стихотворении «An A. v. H<u>mbdt» отмечены размышления о творчестве как о солнечном свете, дарованном небесами, сопровождавшиеся у Павловой использованием образа святой Цецилии, являющейся покровительницей церковной музыки: «Denn als entzückt Cäcilie vernommen / Die Harmonie`n der sel`gen Engelchöre» [Тогда как услышать восхищает Цецилия / Гармонией блаженного ангельского пения]. Поэтесса проводит параллель между собственной озаренностью лучами искусства и даром римской девы-мученицы, казненной грешными людьми за исповедуемую ею веру, сеяние правды и добра: «Verletzten sie die irdischen Gesänge» [Они нарушили земное пение]. Павлова указывает на тяготы творческого труда, заключающиеся в непонимании его смысла людьми, заполняющими грехами жизненную пустоту: «Dann fühlen doppelt wir des Lebens Leere» [Поэтому мы чувствуем жизни двойную пустоту].

Стихотворение «Gedenke mein, wenn Hespers Plasenschleier...» («Помни меня, когда покровы Геспера...») иллюстрирует познания Павловой в области античной мифологии: в тексте упоминается название вечерней звезды Венеры – *Hesper*, в которую превратился сын или брат Атланта, унесенный ветром. Лирическая героиня, обращаясь к абстрактному образу возлюбленного, просит вспомнить ее черты в часы заката, подумать о ней с радостью и умилением: «Wenn, einsam ruhend unter Blütenbäumen, / Du lieblich sinnst im gold`nen Abendschein» [Когда, одиноко покоясь среди цветущих деревьев, / Ты, любимый, думай в золотом закате]. Обращает на себя внимание преобладание существительных, образованных словосложением, что объясняется особенностями авторского стиля, находящего выражение в лапидарности содержания произведения: *die Blütenbäumen* («цветущие деревья»), *der Abendschein* («вечернее сиянье/закат»), *das Erdenleben* («земная жизнь»), *die Wonnenträumen* («сладкие сны»), *die Weihestunden* («лунные часы»), *der Plasenschleier* («покров»). Интерес представляет и синтаксическая структура стихотворения, содержащего параллельно построенные стихи, тождественная конструкция и монотонность которых определили ненавязчивость просьбы, ее соотнесение с легким дуновением теплого ветра: «Gedenke mein, wenn Hespers Plasenschleier / <...> / O dann, in deinen stillen Wonnenträumen, / <...> / Gedenke mein, wenn sie am Himmel waltet / <...> / O dann, in diesen hehren Weihestunden» [Помни меня, когда покровы Геспера / <...> / О, тогда в твоих тихих, сладких снах, / <...> / Помни меня, когда она на небе господствует / <...> / О, тогда в эти величественные лунные часы]. При этом повторение стиха «Gedenke mein!» («Помни меня!») в конце каждой строфы звучит рефреном, подчеркивая неразрывную связь любящих сердец, переживших вместе счастливые минуты бытия.

Многие темы, раскрытые Павловой в немецкоязычной поэзии московского периода, перекликаются с идеями, мыслями ее русских стихов, что

обуславливает восприятие литературного наследия поэтессы этого времени как синтеза русско- и иноязычного творчества.

Во *втором пункте второго параграфа «Немецкоязычное творчество К.К.Павловой 1860 – 1870-х гг.»* проанализированы стихотворения, созданные К.К.Павловой за пределами родины, в немецкий период творчества: «Am Wintertag aus wessen Händen...» («Зимним днем из чьих-то рук...», 1860), «Nimm zum heil`gen Weihnachtsfeste...» («Взяла к святому Рождеству...», 1861), «Töne, einer sangesvollen...» («Звуки, полная песнь...», начало 1860-х гг.), «Menschenklage» («Человеческий плач», начало 1860-х гг.), «Das Nachtmahl Sever`s» («Ужин Севера», 1863), «Genug des Wortschwalls, des sich reihenden...» («Довольно словесного потока, нанизывается...», 1870), «Dresden steht noch an der Elbe...» («Дрезден стоит еще на Эльбе...», 1871), «O rede nicht vom Scheiden und Entsagen...» («О, не говорю о разлуках и отречениях...», вторая половина 1870-х гг.), «Brautwahl» («Выбор невесты», 1860 – 1870-е гг.), «Die Eingekerkerten» («Заключенные», 1860 – 1870-е гг.), «Der schwarze Rabe» («Черный ворон», 1860 – 1870-е гг.).

Представляя образ Дрездена в стихотворении «Dresden steht noch an der Elbe...», Павлова строила описание на сравнении самой лирической героини с городом: первая строфа повествовала о Дрездене, последняя – о душевном и физическом состоянии женщины-странницы, которую приютил этот город: «Dresden steht noch an der Elbe, / Wo`s gestanden hat; / <...> / Ich auch lebe fort mit sachten» [Дрезден стоит еще на Эльбе, / Где стоял; / <...> / Я также продолжаю тихо жить дальше]. В основе павловского стихотворения «Menschenklage» («Человеческий плач», начало 1860-х гг.) лежит противопоставление человека, всегда угнетенного своим бременным существованием, и обитателей природы, радующихся каждому дню, проведенному на земле; Павлова обращает внимание на греховность человека, сетующего на несовершенство мира вокруг него: «Tanzet schwirrend die Libelle / <...> / Duftet fröhlich jeder Baum; / Nur der Mensch mit seinen Sünden / Klagt im weiten Schöpfungsraum!» [Танцуют жужжащие стрекозы / <...> / Пахнет радостно каждое дерево; / Только человек с его грехами / Жалуется в широком сотворенном пространстве!].

Немецкоязычные стихи К.К.Павловой 1860 – 1870-х гг. существенно более, нежели произведения московского периода, насыщены реалиями европейских культур, что связано, прежде всего, с многолетней жизнью Павловой в Германии, активно воспринимавшей традиции соседних стран.

Глава вторая «К.К.Павлова как переводчик русской литературы на немецкий язык» посвящена анализу особенностей творческого осмысления К.К.Павловой произведений русской литературы XIX в. и устного народного творчества.

В *параграфе первом «Славянский фольклор в переводческом осмыслении К.К.Павловой»* осуществлен сопоставительный анализ русских и малороссийских песен и их немецкоязычного перевода, выполненного К.К.Павловой: «Из-за лесу, лесу темного...» («Aus dem Wald hervor, aus dem

dunkeln Wald...»), «Ты душа моя...» («Du mein Liebchen süß...»), «Уж как пал туман на сине море...» («Wenn der Nebel sank auf das blaue Meer...»), «Стоит явор над водою...» («Steht ein Ahornbaum am Wasser...»), «За Немен иду...» («Ich zieh` in den Streit!...»), «Девчино, кохана, здорова була!...» («Gegrüßt sey, mein Liebchen, gegrüßt, schöne Maid...»).

Интерпретировав семейно-бытовую русскую народную песню «Из-за лесу, лесу темного...», Павлова дополнила ее одиннадцатью стихами про молодого всадника, предостерегавшего своего коня, желавшего испить воды из реки, где умывалась дева: «Und im Gehen spricht er zum Roße so: / <...> / Ich vergaß es dir zu empfehlen noch» [И на ходу говорит он коню так: / <...> / Я забыл еще дать совет тебе]. У Павловой возникал образ скачущего на коне «из темного леса» доброго молодца, тогда как в фольклорном тексте описано, как из «белого березничка» и «частого осинничка» выходила молодая дева, чтобы умыться поутру в реке. Павловой сохранен топоним Дунай, обозначающий в славянской традиции мифологизированное водное пространство, границу между земным и загробным миром: «Выходила красна девица, / На Дунай реку умыватися» – «Geh du nicht, mein Roß, hin zum Donaustrom, / Trink das Wasser nicht aus dem Donaustrom; / An der Donau Strand wusch ein Mädchen sich» [Не ходи, мой конь, на многоводную реку Дунай, / Не пей воды из реки Дунай; – / На берегу Дуная умывается девушка]. Образы парня-всадника и девы, купавшейся в реке, сближают интерпретацию Павловой с польскими и украинскими песнями, в которых Дунай оказывается местом встречи хлопцев, приведших на водопой своих коней, с дивчинами, стиравшими на белом камне.

Совсем иная по тематике и композиции малороссийская песня «Девчино, кохана, здорова була!...» привлекла внимание Павловой элегичностью, душевностью повествования, превознесением любви над богатством, истинностью изображенных чувств. Образ казака, представленный в этой фольклорной песне, был с точностью передан переводчицей, подчеркнувшей, что герой полон торжественных дум и помыслов, любит и желает ответных чувств, что его сердце и душа не угнетены: «Так будеш серденько навек ты моя. / <...> / Не треба мне злота – я й сам придбаю, / А треба девчины, що я кохаю!» – «So sollst du auf ewig die meinige seyn. / <...> / Dein Reichthum nicht brauch` ich, selbst schaff` ich mir Geld» [Так должна ты навеки моей стать. / <...> / Твое богатство не нужно мне, сам заработаю я себе денег]). Вместе с тем замена глагола «кохаю» («люблю») на синтагму «gut gefällt» («очень нравится») в сочетании с лексемой «возлюбленная» обусловила некоторую тавтологичность речи казака в немецком переводе, ср.: «А треба девчины, що я кохаю!» – «Ich brauche ein Liebchen, das gut mir gefällt» [Мне нужна возлюбленная, которая мне очень нравится].

Переводы русских и малороссийских лирических песен передали особенности быта родственных народов, воспринимавших окружающий мир через связь с природой, сопоставления с природными явлениями, а также с предметами быта. К.К.Павловой отражены особенности психологической

направленности избранных ею песен: малороссийские выражают борьбу духа с судьбою, русские – покорность судьбе.

Во *втором параграфе «Произведения В.А.Жуковского в творческом восприятии К.К.Павловой-переводчицы»* рассмотрены переводы К.К.Павловой на немецкий язык фрагментов из «Певца во стане русских воинов» («Der Sänger im Lager der russischen Krieger»), а также полные переводы стихотворений В.А.Жуковского «Воскресное утро в деревне» (из И.-П.Гебеля; «Der Sonntagsmorgen im Dorfe»), «Я Музу юную, бывало...» («Weihe»). В частности, интерпретация стихотворения «Я Музу юную, бывало...» была озаглавлена как «Weihe» («Посвящение») с учетом бытовавшего в то время, но не нашедшего впоследствии подтверждения предположения относительно посвящения этого произведения великой княгине Александре Федоровне, у которой В.А.Жуковский в 1817 г. был преподавателем русского языка. Павловой не в полной мере передано содержание оригинального произведения, базирующегося на представлении о жизни человека как творческом процессе, соотносимом с разрабатывавшейся Жуковским концепцией жизнотворчества, ср.: «На все земное наводило / Животворящий луч оно – / И для меня в то время было / Жизнь и поэзия – одно» – «Verlieh belebend allem sie; / Und unzertrennlich war und Eines / Mir Leben dann und Poesie» [Придает живительное всему оно; / И неделимым, и единым целым была / Мне тогда жизнь и поэзия]. Лексико-семантическая неточность интерпретации – следствие замены переводчицей причастия «животворящий» на прилагательное «belebend» («живительный»), вызвавшей утрату переносного значения лексемы подлинника, – вдохновение у Жуковского, спускаясь с небес к человеку, не только оживляет, но и восстанавливает силы, возрождает утерянную мечту, побуждает к творческому созиданию; у Павловой же вдохновение наделено волшебной силой, дарованной ему небом, с которого оно спустилось, причем посредством дополнительных стихов подчеркнута связь повседневной жизни человека с творчеством («Den Zauber ihres gold`nen Scheines» [Волшебством своего золотого сияния]). Если у Жуковского отсутствует мотив волшебства, то у Павловой, напротив, тема жизнотворчества раскрыта с позиций ирреального, что отдаляет павловское видение концепции русского поэта от мира земной повседневности.

Каждый из трех переводов К.К.Павловой произведений Жуковского, имеет свои особенности: так, внимание к «Певцу во стане русских воинов» было обусловлено не столько целями популяризации, сколько стремлением к самовыражению, раскрытию собственных чувств и эмоций, вызванных патриотическим подъемом, гордостью за ратную славу России; стихотворение «Я Музу юную, бывало...» было интересно как концентрированное выражение творческих представлений русского автора, его концепции поэта и поэзии, позволявшее под верным углом зрения воспринимать все его творчество преддекабристского времени; наконец, «Воскресное утро в деревне» привлекло Павлову-переводчицу близостью к немецкой ментальности, и тем самым состоялось возвращение к немецкому читателю произведения, имевшего своей

первоосновой написанное на алеманнском наречии стихотворение И.-П.Гебеля «Sonntagsfrühe».

Третий параграф «Осмысление творчества А.С.Пушкина в поэтических переводах К.К.Павловой» содержит анализ осуществленных переводов отдельных произведений А.С.Пушкина – стихотворений «Пророк» («Der Prophet»), «Эхо» («Echo»), «Ты и Вы» («Entschlüpft ist ihrem süßen Munde...»), «К***» («Lied»), а также «Черкесской песни» из поэмы «Кавказский пленник» («Tscherkessisches Lied»), четырех фрагментов из поэмы «Цыганы» («Vier Bruchstücke aus den Zigeunern») и сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» из трагедии «Борис Годунов» («Nacht. – Zelle im Tschudowschen Kloster»).

Творческий интерес Павловой к стихотворению А.С.Пушкина «Пророк» был обусловлен близостью ей, как поэту, темы высокого предназначения творца как исполнителя промысла небес на земле. В интерпретации Павловой не сохранены придающие речи пафосность пушкинские архаизмы и старославянизмы (перст, зеница, отверзтись, уста, отверстый, воззвать, глагол (в значении «слово»), восстать), утрачена традиционно-поэтическая лексика (горний, десница, глас, внимать), что снизило торжественную патетику произведения и привнесло в его содержание определенные коррективы. Например, поэтизм *десница* («правая рука») заменен на *die Hand* («рука»), ср.: «Вложил десницею кровавой» – «Und er verlieh, mit blut`ger Hand» [И он наградил кровавой рукой], тогда как в библейской легенде, на которую опирался Пушкин при написании «Пророка», правая рука служит богу для благословения, а левая – для наказания. Следует отметить замену Павловой лексемы подлинника «шестикрылый» на словосочетание «dreifach geflügelt» («трижды окрыленный»), приведшую к несколько иному подтексту, ср.: «И шестикрылый серафим / На перепутье мне явился» – «<...> und ein Seraph trat / Urplötzlich auf gekreuztem Pfad / Dreifach geflügelt mir entgegen» [<...> и серафим ступает / Неожиданно на перекрестный путь, / Трижды окрыленный мне навстречу]. В христианстве числительное «шесть» символизирует гармонию, совершенство и некую завершенность, полноту, соотносимую с шестью днями божественного творения, поэтому ангел, особо приближенный к престолу бога, имеет шесть крыльев, о чем и пишет Пушкин. Павлова, используя сакральное число «три», означающее множественность, обновление и творческую силу, указывает на необходимость божественного вдохновения и благословения для творческого воссоздания всего увиденного и услышанного, обличения лицемерия и лжи.

Выполненные Павловой переводы лирических стихотворений Пушкина и фрагмента из его трагедии «Борис Годунов» не только отражают широкий тематический спектр его творчества – *любовь* («Ты и Вы», «К***»), *поэт и общество* («Пророк», «Эхо»), *общественная мораль* («Ты и Вы», сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»), *свобода* («Кавказский пленник», «Цыганы», сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»), – но и достаточно полно передают особенности индивидуально-авторского стиля. Переводы

Павловой «Черкесской песни» из «Кавказского пленника» и четырех фрагментов из «Цыган» раскрывают философскую проблематику пушкинских поэм, связанную с руссоистско-байронической идеей о превосходстве «естественного» общества над цивилизованным.

Четвертый параграф «Произведения поэтов «пушкинской плеяды» в немецких переводах К.К.Павловой (Е.А.Баратынский, Н.М.Языков, А.А.Дельвиг)» посвящен рассмотрению переводов К.К.Павловой произведений русских поэтов «пушкинской плеяды» Е.А.Баратынского, Н.М.Языкова, А.А.Дельвига.

Краткое знакомство с Дельвигом и его творчеством состоялось, предположительно, при посещении К.К.Павловой в конце 1820-х гг. литературных вечеров в доме З.А.Волконской, где собирались лучшие русские поэты. Тогда же, основательно сблизившись с московскими литературными кругами, Павлова установила дружеские отношения с Баратынским и Языковым, которые позже, в конце 1830-х – начале 1840-х гг., были частыми гостями в ее общественно-литературном салоне. Почитая Баратынского своим учителем, Павлова стремилась перевести для немецкого читателя те из его произведений, которые наглядно раскрывали особенности его творческой манеры: «Песня» («Страшно воеет, завывает...») («Lied» («Grauensvoll, mit lautem Heulen...»)), «Песня» («Когда взойдет денница золотая...») («Lied» («Wenn sich die Sonne golden hebt und glühend...»)), «Девушке, имя которой было Аврора» («Einem jungen Mädchen, Namens Aurore»), фрагмент поэмы «Бал» («Bruchstück aus dem Ball»), поэма «Переселение душ» («Die Seelenwanderung. (Ein Märchen)»). Например, творческий интерес Павловой к стихотворению Е.А.Баратынского «Песня» («Страшно воеет, завывает...») был обусловлен большой популярностью этого произведения, неоднократно перепечатававшегося как в песенниках, так и в авторских сборниках 1820 – 1830-х гг. При передаче монологической речи, присутствующей в тексте подлинника, Павлова, используя лексему «mußt» («должен»), акцентировала внимание на вынужденности расставания молодого человека, отправлявшегося на военную службу, с близкими и любимыми ему людьми, ср.: «Тошно жить мне: мать родную / Я покинул! / Тошно жить мне: с милой сердцу / Я расстался!» – «Freudlos leb` ich! Meine Mutter / Mußt` ich lassen; / Von der Freundin meines Herzens / Mußt` ich scheiden» [Без радости живу я! Мую мать / Вынужден был я покинуть; / С подругой моего сердца / Должен был я расстаться]. Павловой не сохранены устойчивые выражения, использованные автором подлинника (*стоять на часах, не видать в лицо*), что в целом обусловлено проблематичностью перевода сложной семантической структуры идиом, принадлежащих одному языку, одной культуре. Переводчица опустила и ласковое обращение лирического героя к возлюбленной девушке (*душа-девица*), закрепившееся в народной поэзии и употребленное Баратынским для демократизации языка произведения и придания особой мелодичности стихам.

Обратившись к творчеству Н.М.Языкова, Павлова интерпретировала его стихотворения «Поэт» («Der Dichter»), «Конь» («Das Roß»), «Молитва»

(«Gebet»), «Элегия» («Язык души красноречивый...») («Elegie» («Der Seelensprache mächtig Glühen...»)), «Элегия» («Ночь безлунная звездами...») («Elegie» («Den azurnen Himmelsbogen...»)). В стихотворении Н.М.Языкова «Конь» (1831) Павлову заинтересовали метафизичность, насыщенность отечественными реалиями, эмоциональность выражения авторской любви к родному краю. У Языкова красота и сила коня обусловлены его жизнью на воле («Полон сил, удал на воле»), тогда как у Павловой, говорящей о быстроте движения коня, его резвости и удалой красе, отмечены и свобода «взрастания» на раздольях лугов и полей («Trinkt`s der Auen kühle Luft; / <...> / In der Freiheit reger Freude, / In der Kräfte Ueberfluß, / Wiehert`s auf, – und hin zur Haide» [Вдыхает он прохладный воздух луга; / <...> / На воле живой радости, / Полон сил, / Заржет и – в поле]), и «царский» уход за конем, облаченным в дорогой «наряд», состоящий из роскошной узды и богатой сбруи; коня справно оседлывают, щедро кормят, приумножая тем самым его силу и красоту.

В творчестве А.А.Дельвига Павлову привлекли произведения, испытавшие на себе влияние традиций народно-песенного искусства, в связи с чем для перевода были избраны «Романс» («Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане...»; «Einsam-düster schwamm der Mond durch das Nebelmeer...»), «Романс» («Сегодня я с вами пирую, друзья...»; «Mit Euch hab` ich heute die Becher voll Wein...») и элегия «Разочарование» («Enttäuschung»). Примечательно, что в вольном переводе романса «Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане...» (1821 или 1822) Павловой не совсем точно передана символическая параллель подлинника, проведенная автором между одиноко плывшим в тумане месяцем и потерянным, внутренне опустошенным витязем, который предчувствуя приближение смерти, обращался к своему коню, ср.: «Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане, / Одинок вздыхал витязь на кургане» – «Einsam-düster schwamm der Mond durch das Nebelmeer, / Einsam in der dunkeln Nacht seufzt ein Ritter schwer» [Одиноко-сумрачная проплывала луна сквозь морскую дымку, / Одиноко темной ночью вздыхает тяжело рыцарь]. Замена переводчицей лексемы оригинала «месяц» на «der Mond» («луна») привела к семантическим расхождениям оригинала и интерпретации: луна, являясь символом умирания и последующего возрождения, воплощает женское начало, тогда как месяц представляет собой мужской образ, соотнесенный поэтом с одиноким витязем. В соответствии с христианской иконографией Дева Мария часто изображалась восседающей на серпе луны, – в народных поверьях луна сопоставлялась с девой; в связи с этим можно предположить, что Павлова не проводила параллель между ночным светилом и героем, а пыталась их воссоединить в одно целое, в котором витязь – влюбленный человек, тоскующий по своей *милой*, а луна – мысленно воссозданный им образ возлюбленной, блуждающей по небу вслед за своим любимым. Переводы Павловой из Дельвига отразили меланхолическую грусть, особую народную интонацию, мелодичность дельвиговских романсов, а также сочетание мажорной тональности и пессимизма в его элегии «Разочарование».

Если в переведенных Павловой произведениях А.А.Дельвига грусть лирического героя, его пессимистические мысли и настроения представлены в отрыве от действительности, то в избранных переводчицей текстах Е.А.Баратынского и Н.М.Языкова сохранены связь с народной и светской жизнью, оптимистическая вера в завтрашний день.

В пятом параграфе «Поэзия Д.В.Веневитинова и А.С.Хомякова в творческой интерпретации К.К.Павловой» проанализированы особенности переводческого осмысления К.К.Павловой лирических произведений Д.В.Веневитинова («Крылья жизни» («Die Schwingen des Lebens»), «Элегия» («Elegie»), «Песнь грека» («Gesang eines Griechen»)) и А.С.Хомякова («Давид» («Mit Gottes Wort»), «Звезды» («Sterne»), «Широка, необозрима...» («Unabsehbar, Wog` auf Wogen...»), «Труженик» («Das Tagewerk»), «Подвиг есть и в сраженьи...» («Groß ist die That eines steten...»)).

Еще в начале творческого пути К.К.Павлову привлекли творческая судьба безвременно умершего Д.В.Веневитинова, его характерное увлечение античной и немецкой философией (Платоном, И.Кантом, И.-Г.Фихте), сконцентрированность вокруг философских проблем бытия, далеких от общественной жизни, наконец, особое пристрастие к идеям Ф.-В.Шеллинга, утверждавшего, что средство познания мира – человек. Обратившись к переводу стихотворения Веневитинова «Песнь грека», явившегося откликом на Греческую революцию, начавшуюся в 1821 г., Павлова выразила свои эмоции по поводу волновавшей русское общество борьбы греческих повстанцев за независимость от деспотической власти Османской империи, гибели в Греции Дж.-Г.Байрона. В переводе Павловой сохранены структурные особенности «Песни грека» (пять строф-десятистиший, смена перекрестной рифмы смежной, а затем кольцевой (АБАБВВАББА), чередование женских и мужских рифм), однако в содержательном плане можно видеть ряд примечательных отличий. Описывая главного героя, человека из народа, Веневитинов использовал устаревшую народно-поэтическую лексему «оратай» («Как мой отец, простой оратай»), замененную Павловой оборотом «nieder`m Stande» («низкий ранг»), абстрагировавшим социальное положение героя и его отца и не позволявшим установить род занятий, служивший основой благополучия семьи: «Mein Vater war von nieder`m Stande» [Мой отец был низкого ранга]. Элементы обобщения конкретной лексики подлинника можно видеть в первой и третьей строфах перевода Павловой, ср.: «Под небом Аттики богатой / Цвела счастливая семья. / <...> / Шагал турецкий часовой» – «Im seggenreichen Griechenland / Geboren, prief ich mein Geschick; / <...> / Des Wächters neblige Gestalt» [В благодатной Греции / Рожденный, славил я свою судьбу; / <...> / Шагал туманный облик часового]. Как видим, у Веневитинова названо точное место рождения героя – Аттика, тогда как Павлова ограничилась созданием обобщенного образа благодатной Греции, тем самым подчеркнув, что семья земледельца могла жить не только на юго-востоке Греции, что вся Греция населена семьями, в которых растут мужественные воины, способные защитить свои земли, добыть счастье для своего народа.

К.К.Павлова познакомилась с А.С.Хомяковым, к тому времени уже ставшим основоположником славянофильства, в общественно-литературном салоне А.П.Елагиной, где у нее также завязались дружеские отношения с братьями П.В. и И.В.Киреевскими, в особенности с одним из них – Петром Васильевичем, охотно делившимся своими идеями и философскими представлениями. Знакомство это вылилось в появление целого ряда переводов, в том числе перевода стихотворения «Давид» под измененным названием «Mit Gottes Wort» («Словом Бога»), подчеркивавшим праведность божественного вразумления, а также необходимость прислушиваться к слову, ниспосланному Богом. К существенным лексико-семантическим расхождениям интерпретации и подлинника относится использование Павловой словосочетания «den verhängnisvollen Streit» («роковой бой») вместо «подвиг ратный», ср.: «Певец-пастух на подвиг ратный» – «Der Hirt und Sänger, hinzueilen / In den verhängnisvollen Streit» [Пастух и певец спеша / В роковой бой]. Если у Хомякова певец-пастух подготавливается к героическому военному поступку, способному принести славу ему и благо народу, то у Павловой подвиг интерпретирован как предопределенное роком сражение, которого невозможно избежать, что противоречит еврейским преданиям, согласно которым первым крупным предприятием Давида стала война с иевусеями, в результате которой он был провозглашен властителем Иерусалима. В поэзии Хомякова можно видеть глубокие библейские основы, в частности, образы и ассоциации, связанные с поэтикой Библии, особенно Ветхозаветных Псалмов; этим во многом определяется пророческий тон его стихотворений, в том числе и тех, что были переведены Павловой, нередко стремившейся к дополнительному толкованию намеков, содержащихся в оригинальных текстах.

В *шестом параграфе «К.К.Павлова – переводчик поэзии М.Ю.Лермонтова на немецкий язык»* отмечается факт личного знакомства Павловой и Лермонтова, состоявшегося 10 мая 1840 г. в литературном салоне Д.Н. и Е.А.Свербеевых, на третий день после приезда поэта в Москву по пути из Петербурга на Кавказ. Ориентировочно во второй половине 1850-х – 1860-е гг. Павловой были осуществлены интерпретация одного из наиболее известных отрывков из лермонтовского «Демона» «На воздушном океане» (у Павловой – «Unbekümmert») и свободная обработка стихотворения «Родина» (у Павловой – «Mein Vaterland»). Переводы Павловой, появившиеся многие годы спустя после создания Лермонтовым оригинальных текстов, содержали в себе и след новой эпохи, и отпечаток, обусловленный жизнью переводчицы в Германии, и неизбежное влияние немецкой культурной традиции. Бесспорно, это привело к разночтениям в трактовке отдельных образов, в восприятии отдельных художественных деталей. Однако Павлова была, пожалуй, единственным переводчиком произведений Лермонтова на немецкий язык, лично знавшим самого поэта, что не могло не оказать своего влияния; она мастерски уловила лермонтовский «дух», смогла передать настроения поэта, его философское осознание места человека в мире, радость от общения с природой,

сочетавшуюся с приятием родной земли, благоговейным восторгом от ее красоты и величия.

Седьмой параграф «Стихотворение А.А.Фета «Я вдаль иду моей дорогой...» в переводе К.К.Павловой» содержит сопоставительный анализ стихотворения «Я вдаль иду моей дорогой...» и его немецкой интерпретации «Ich ziehe fort auf meinen Wegen...», осуществленной К.К.Павловой. Вместо традиционного образа дороги переводчицей использован возвышенный образ тропы: «Ich ziehe fort auf meinen Wegen, / <...> / Mag ich auf steilen Pfaden schreiten» [Я иду прочь по моему пути, / <...> / Если бы я мог по отвесной тропе шагать]; имеются и другие содержательные расхождения с подлинником А.А.Фета. Вместе с тем Павловой сохранена внутренняя атмосфера оригинального текста, точно воссозданы его формальные особенности, что в целом обусловлено взглядами на «точность» в переводе как «точность» в передаче мысли, формы, стихотворного размера подлинника, равномерное приближение к «энергии» его настроения, гармоничное слияние идеи и формы при воссоздании «чужого» текста.

В параграфе восьмом «Русская проза первой трети XIX в. в творческом восприятии К.К.Павловой – переводчицы (повесть А.С.Пушкина «Метель», рассказы О.М.Сомова «Кикимора» и В.И.Панаева «Наталья») отмечается, что в сборнике К.К.Павловой «Das Nordlicht...» (1833), помимо образцов поэтического творчества русских авторов, были представлены переводы повести А.С.Пушкина «Метель» («Das Schneegestöber»), рассказов О.М.Сомова «Кикимора. Рассказ русского крестьянина на большой дороге» («Der Kobold. Erzählung eines russischen Bauers auf der Landstraße») и В.И.Панаева «Наталья. (Истинное происшествие)» («Natalie. (Wahre Begebenheit)»), причем последнее из произведений публиковалось без имени русского автора.

В интерпретациях Павловой прозаических произведений русских авторов переданы детали жизни различных слоев российского общества и социально-психологические отношения в нем, описанные в подлинниках. Так, немецкоязычный перевод повести А.С.Пушкина «Метель» полно отразил особенности жизни русских помещиков, эмоционально-психологическое восприятие ими Отечественной войны 1812 г.; творческое осмысление рассказа В.И.Панаева «Наталья» позволило воссоздать для немецкого читателя сцены из жизни богатых людей и низов русского общества. Переданные переводчицей посредством транслитерации русизмы, использованные О.М.Сомовым в рассказе «Кикимора. Рассказ русского крестьянина на большой дороге» (*играл в бабки – spielte Babki, теплый квас – warmen Kwas, оброк помещику – dem Gutsherrn den Obrock, гривенник – der Griwennick*), помогают сформировать представление о быте русского крестьянства.

В девятом параграфе «К.К.Павлова – интерпретатор творчества А.К.Толстого» рассматриваются павловские переводы произведений А.К.Толстого. Павлова творчески осмыслила поэму Толстого «Дон Жуан», его драматическую трилогию («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис»). В переводах Павловой трагедий А.К.Толстого удачно воссоздан русский национальный колорит, что достигнуто посредством

сохранения российских реалий, элементов просторечности в описаниях. Историзмы переданы либо с помощью лексем, имеющих сходное значение, либо через развернутое объяснение. Вместе с тем переводчицей опущены многие архаизмы, не имеющие иноязычных аналогов, внесены элементы интеллектуализации, приведшие к увеличению объема переводного текста по сравнению с оригинальным. Павлова передала не только глубокий трагизм образов русских царей Иоанна Грозного и Федора Иоанновича, но и выразила в предисловии к своей интерпретации «Смерти Иоанна Грозного» («Vorwort zur Buchausgabe "Der Tod Iwan's des Furchtbaren"») опасения относительно возможности повторения Смутного времени в России.

Одновременно с творческим осмыслением исторических трагедий Толстого Павлова интерпретировала и его лирические тексты, в результате чего в 1868 г. в Дрездене вышла книга «Zwölf Gedichte von Alexis Grafen Tolstoy. Aus Russischen übersetzt im Vermaß des Originals von Caroline von Pawloff» («Двенадцать стихотворений графа Алексея Толстого. С русского языка перевела в стихотворном размере оригинала Каролина Павлова»), содержащая переводы одиннадцати стихотворений – «С ружьем за плечами, один, при луне...» («Die Flinte umhängt, reit` ich still und allein...»), «Колышется море; волна за волной...» («Es woget des Meeres gewaltige Flut...»), «Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...» («Glaub Du mir nicht, wenn Du aus meinem Munde...»), «Ты помнишь ли вечер, как море шумело...» («Gedenkst Du, wie einstens der Abend verglühete?...»), «Сердце, сильнее разгораясь от году до году...» («Heißer ward täglich das Herz, und geworfen voll Gluthen...»), «Обычной полная печали...» («Du trittst, mit Deiner steten Trauer...»), «Ходит Спесь, надувающихся...» («Des Wegs kommt Hochmuth, bläht sich sehr...»), «Звонче жаворонка пенье...» («Lerchenlied aus voller Kehle...»), «Где гнутся над омутом лозы...» («Auf tiefen, gefährlichen Wellen...»), «Волки» («Wenn kein Lied mehr ertönet...»), «Против течения» («Der Strömung entgegen») – и пяти фрагментов из поэмы «Иоанн Дамаскин» («Fünf Bruchstücke aus dem Gedichte Johannes der Damascener»). Павловой была также осуществлена интерпретация толстовской баллады «Слепой» («Der blinde Sänger»), негативно воспринятая русским автором и ставшая причиной долгой размолвки между ним и переводчицей.

В немецкоязычных переводах произведений А.К.Толстого, осуществленных Павловой, бережно воссозданы эпитеты, метафоры, сравнения, иные тропы русских подлинников, выполнявшие в них значимую стилистическую функцию. Образность стихотворений усилена за счет введения лексем, образующих звуковую, цветовую или конкретно ситуативную картину. Благодаря творческому сотрудничеству переводчицы с русским поэтом у немецких читателей сформировалось представление об идейно-тематических и формальных особенностях поэзии и поэтической драматургии А.К.Толстого, их месте в российском и общемировом литературном процессе.

Глава третья «Творчество немецких поэтов в переводах К.К.Павловой на русский язык» посвящена анализу осуществленных К.К.Павловой переводов произведений немецких поэтов.

В **параграфе первом «Ф.Шиллер в творческом восприятии К.К.Павловой»** рассмотрены переводы К.К.Павловой из Ф.Шиллера: сцена из трагедии «Demetrius» («Димитрий»), отрывок «И будь отныне таково...» из стихотворения «Das Lied von der Glocke» («Песнь о колоколе»), трагедия «Wallensteins Tod» («Смерть Валленштейна»). Наибольшую известность получил павловский перевод отрывка из «Das Lied von der Glocke», первоначально включенный в роман «Двойная жизнь» с целью отражения восходящих к философии Платона и Ф.-В.Шеллинга представлений о двойственности человеческой природы и жизни. Центральным в шиллеровском описании являлся образ колокола, вылитого, согласно оригинальному произведению, рукою мастера для высшего предназначения: «Und dies sei fortan ihr Beruf, / Wozu der Meister sie erschuf!» [И это отныне её призвание, / Для чего мастером она сколочена!]. В переводе Павловой о создании колокола человеком не упоминалось вовсе («И будь отныне таково / Предназначение его»), более того, колокол в русском переводе славил не земного мастера, а творца вселенной, что противоречило тексту Шиллера: «Die ihren Schöpfer wandelnd loben» [Ее творца хвалить бродяще] – «Пусть славит он творца вселенной». Русская переводчица, основываясь на философско-культурных параметрах, исключала возможность создания земным существом предмета, несущего высшее благо, служившего священными устами небесного свода; поэтому Павловой и был опущен элемент земного в создании священного. В оригинальном тексте «Песни о колоколе» присутствует образ судьбы («Dem Schicksal leihe sie die Zunge» [Судьбе она одалживает язык], причем символический колокол не только несет человечеству и благие и печальные вести, сообщает о событиях, но и определяет ход истории, – в русской интерпретации речь идет уже не о судьбе, а о роке («судьба, обычно злая, грозящая бедами, несчастьями»), из чего можно решить, что святое – не всегда благое для людей; колокол у Павловой гласит только святое и в тоже время служит року: «Лишь то, что свято, что всевластно, / Гласи он медным языком; / <...> / Да будет он глаголом рока».

Во **втором параграфе «К.К.Павлова как интерпретатор поэмы А.Шамиссо «Salas y Gomez»»** представлен сопоставительный анализ текста поэмы А.Шамиссо и его русской интерпретации, выполненной К.К.Павловой.

Обращение Павловой к поздней поэме Шамиссо «Salas y Gomez» было неслучайным, поскольку связующей нитью всего произведения, наполненного конкретными жизненными подробностями и реальными общественными мотивами, прошла романтическая тема одиночества, тема отшельничества, робинзонады, актуальная для зрелого Шамиссо и особенно близкая русской переводчице в 1850-е гг., когда она отстранилась от осуждавшего ее светского общества и стала искать защиты и понимания в обращении к природе. Лирическую интерпретацию «Salas y Gomez» Павлова завершила в дни смерти

своей матери, в трудный период, когда у нее почти не осталось ни близких, ни друзей (единственной поддержкой было участие к ней со стороны библиофила, историка литературы Г.Н.Геннади и поэта А.М.Жемчужникова), и это существенно усилило общий трагизм описания.

При изображении тихоокеанского острова Павлова вводит синонимический ряд, призванный усилить впечатление от воображаемого образа, максимально реалистично передать картину, предстающую перед глазами героя – утес, курган, риф, каменная круть, громада скал. Если Шамиссо не сообщает читателю о месте расположения острова, используя лишь эпитет «спокойный» для характеристики окружающего его моря, то Павлова принципиально акцентирует внимание на географически океанической отнесенности острова («<...> тихим океаном / Облитый...»). Подобное расхождение русской лирической интерпретации с текстом подлинника позволяет говорить, что у Шамиссо мир одиночества, в котором оказался герой, нарочито сужен, тогда как у Павловой, напротив, расширен до безграничности, бескрайности вселенского океана.

О различиях между подлинником и переводом в масштабах распространения возможной угрозы для человеческой жизни явственно свидетельствует интерпретация Павловой стиха «Ein Wehruf hallte aus dem untern Raum» [Горестный крик донесся из трюма]: «Крик ужаса раздался, теса треск». Шамиссо использует дедуктивный метод описания: изобразив общее, целое – образ корабля, он акцентирует внимание на одной его части – трюме, тем самым уменьшая угрозу для человека, делая ее локальной; Павлова не называет конкретного места распространения крика, не предостерегает от конкретной опасности, что само по себе уже подразумевает таящуюся повсюду опасность.

Как видим, значимая для поэмы Шамиссо «Salas y Gomez» тема одиночества была оригинально интерпретирована Павловой, сохранившей лишь общую характерную устремленность к максимально точному воссозданию условий пребывания героя-робинзона на тихоокеанском острове и предметный план отдельных тропов.

В параграфе третьем «К.К.Павлова как переводчик стихотворения Генриха Гейне «*Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...*» проанализирован выполненный К.К.Павловой вольный перевод «Лорелеи» – знаменитого стихотворения Г.Гейне «*Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...*» из третьего цикла «*Buch der Lieder*» («Книги песен»), переведенного на многие языки мира. В своем переводе Павлова обострила тему одиночества, заменив гейневское «*der Gipfel des Berges*» («вершина горы») лексемами «скала», «утёс»: «*Der Gipfel des Berges funkelt*» [Вершина горы сверкает] – «На утёсах солнца луч. / <...> / Села на скалу крутую». Изначально образы горы и скалы в сознании читателя семантически расходятся: гора – некая часть от общего целого (тем более, Гейне нигде не упоминает о том, что гора одиночная); утёс, скала – традиционно одиночный элемент, лишь иногда встречающийся в числе множества, что обычно указывается в контексте произведения, в частности, в 5-

й строфе рассматриваемого гейневского стихотворения, где речь идет уже не о Лорелее, а об опасности гибели лодочника: «Er schaut nicht die Felsenriffe, / Er schaut nur hinauf in die Höh'» [Он не видит рифы скал, / Он смотрит только ввысь]. Символично, что в вольном переводе Павловой скала упомянута только при описании Лорелеи, тогда как при воссоздании ситуации неминуемой гибели лодочника этот образ опущен: «Не глядит на путь опасный: / Только деу видит он». Павлова лишает Лорелею связи с небом: упоминаемые ею отвесные утесы и скалы гораздо ближе к земле, нежели гейневские «вершины гор», устремленные в высоту. К тому же и взор лодочника в оригинале Гейне устремлен «только ввысь» («hinauf in die Höh'»), тогда как у Павловой – только на Лорелею. Тем самым в русской интерпретации можно отчетливо увидеть противоречия с семантикой лирического текста Гейне, преодоленные впоследствии в переводах Л.А.Мея, А.Н.Майкова, А.П.Барыковой, С.Я.Маршака и др.

Четвертый параграф «Стихотворения Ф.Фрейлиграта «Der Biwak» и «Die Schreineresellen» в интерпретации К.К.Павловой-переводчицы» посвящен анализу выполненных К.К.Павловой переводов двух стихотворений Ф.Фрейлиграта – «Der Biwak» («Бивак») и «Die Schreineresellen» («Гробовщики»). Стихотворение «Die Schreineresellen», привлекавшее внимание Павловой, принадлежало перу раннего Фрейлиграта, было впервые напечатано в №50 «Минденского воскресного листка» от 11 декабря 1831 г., однако вплоть до обращения к нему русской поэтессы оставалось неизвестным российскому читателю; несколько позже, в 1860 г., к переводу «Die Schreineresellen» обратился М.Л.Михайлов, результат работы которого вскоре увидел свет в некрасовском «Современнике» (1860, №11). Самим названием перевода («Гробовщики») Павлова подчеркивала своеобразное «равенство» персонажей – людей опытных, знающих свое дело, что отчасти противоречило дальнейшему содержанию («Нет! право берет поневоле озноб: / Приходится первый ведь делать мне гроб!») и не соответствовало подлиннику, чье название дословно переводится как «Подмастерье гробовщика». Скрытое возмущение, отчетливо выраженное в немецком оригинале, соотносится с темой свободы человека, – молодой подмастерье недоволен тем, что даже после смерти человека кладут в ящик, сковывающий его. В этой связи не случаен эпитет «enge» («тесный»), несущий в оригинале важную смысловую нагрузку («Und schwärze sein sauber das enge Bett!» [И покрась в черный цвет тесную постель!]), однако незамеченный, опущенный Павловой; данное обстоятельство привело как к отдалению перевода от подлинника в содержательном плане, так и к практически полной утрате подтекста оригинального произведения.

В **пятом параграфе «К.К.Павлова – переводчик поэзии Юлиуса Гаммера»** отмечен факт знакомства Павловой с поэтом Юлиусом Гаммером, состоявшегося в конце 1850-х гг. и во многом обусловившего неоднократное обращение русской переводчицы к творчеству поэта. Перевод Павловой стихотворения Гаммера «Flieh endlich deiner Schwermuth Nacht...» («Беги окончательно от своего уныния ночью...») был впервые опубликован в газете

«День» 8 сентября 1862 г.; спустя без малого два десятилетия с подачи сына поэтессы И.Н.Павлова в №20 «Кругозора» за 1880 г. увидел свет перевод неустановленного стихотворения Гаммера «Свидетельство дерева»; наконец, 12 февраля 1911 г., через восемнадцать лет после смерти Павловой, нашел своего читателя ее перевод «Vertraue dich dem Licht der Sterne...» («Поверь свету звезд...»), напечатанный в «Иллюстрированном приложении к “Новому времени”» под названием «Из Ю.Гаммера. С немецкого» и с редакторским примечанием: «Одно из двух стихотворений Каролины Павловой, подаренных ею лично Ольге Григорьевне Аксаковой в Дрездене в 1865 г.».

При интерпретации как тематических, так и художественных особенностей «Flieh endlich deiner Schwermuth Nacht...» Павловой были допущены существенные вольности. Так, она рассматривала труд как средство достижения силы, влекущей за собой высшее благо («Трудам предайся ты в тиши, / <...> / Изведай и пойми, что сила / Есть благо высшее души»), причем последняя строфа ее лирической интерпретации была наполнена мыслью о радости, приносимой трудом («В ней истин радостных созданье, / Стремленье вечное вперед»). Следует отметить неслучайность упоминания Павловой о работе «в тиши» (об этом не говорится в немецком подлиннике); тем самым обозначена тема умственного труда, вероятно, творческого труда поэта, прозаика и радостей, приносимых этим трудом; творческий труд предстает у Павловой как высшая способность человека, в интеллектуально-эмоциональной деятельности которого она неизбежно выделяет рационалистическое начало. В произведении Гаммера, напротив, речь идет не о творческом, а о социальном труде, необходимости равенства трудящихся, причем тема труда в подобном аспекте в целом была характерна для литературной эпохи 1840 – 1860-х гг.: «Werkstätig rühr` dich Tag für Tag, / Dein bestes Glück sei deine Stärke, / Verlang` nicht gleich von einem Werke / Den Lohn, den es verdienen mag» [Трудящийся, двигаю тебя изо дня в день, / Твое лучшее счастье было твоей силой, / Прошу не равному перед работой / Заработная плата, что заслуживает]. Как видим, обращаясь к трудящемуся, говоря о счастье труда, Гаммер постепенно сужал тему до указания на необходимость справедливой оплаты труда, учета реальных достижений; на первый план выходила проблема социального неравенства, во многом обусловленная общественными противоречиями. В интерпретации Павловой тема социального неравенства существенно сглажена, а мотив справедливой оплаты за труд вообще опущен; акценты смещены с социальных проблем в плоскость духовных исканий человека, при этом усилены религиозные мотивы, более отчетливо выражена тенденция к абстрактизации конкретной лексики.

В *шестом параграфе «Художественное своеобразие переводов К.К.Павловой из немецкой послеромантической поэзии (Ф.Рюккерт, Э.Шульце и др.)»* рассмотрена специфика творческого осмысления Павловой отдельных произведений современной ей немецкой поэзии, в частности, стихотворения Фридриха Рюккерта «Die Liebe sprach: In der geliebten Blicke...» («Пойми любовь») и фрагмента из девятой песни поэмы «Cäcilia» («Цецилия»)

Эрнста Шульце, озаглавленного переводчицей как «Песнь заключенным девам»; также отмечен перевод Павловой с немецкого языка «Восторгов предаваясь власти...» (оригинальный текст не установлен).

Стихотворение Ф.Рюккерта «Die Liebe sprach: In der geliebten Blicke...» привлекло Павлову своей тематикой, причем при ее осмыслении оказались раскрыты во взаимосвязи темы поэта и любви, что не соответствует подлиннику, в котором вообще нет упоминаний о поэте, ср.: «Die Liebe sprach: in der Geliebten Auge / Mußt du das Licht dir suchen, nicht das Feuer, / <...> / Nicht dir verzehre deines Lebens Scheuer» [Говори любовью: в глазах возлюбленной / Ты должен свет искать, не огонь, / <...> / Не изводишь тебе твоей жизни амбар] – «Пойми любовь! Найди в очах прекрасной / Не огонь пылающий, но мирный свет, / <...> / А не спалил бы жизнь твою, поэт». В отрывке из поэмы Э.Шульце образ любви соотносится автором со звездой как с небесным телом, украшающим ночное пространство, тогда как у Павловой представлено светило, излучающее чувство и днем, и ночью, в связи с чем опущено упоминание о времени суток, ср.: «Wo Felsen hangen / In Nacht und Grausen» [Где скалы висят / В ночи и ужасе] – «В пределе дальном, / В горе глубоко». Переводчицей сохранены мелодичность, напевность произведений немецких поэтов-современников, а в случае с «Die Liebe sprach: In der geliebten Blicke...» Ф.Рюккерта еще и характерная лексико-стилистическая возвышенность описания.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, отмечается, что К.К.Павлова, в совершенстве владевшая русским и немецким языками, постоянно использовала их в своей творческой деятельности, что позволяет характеризовать ее как поэта-билингва, способствовавшего развитию контактов России и Германии в плане культурного и литературного взаимодействия.

Проведенная работа открывает пути для дальнейшего изучения творчества Павловой в контексте русско-зарубежных литературных и историко-культурных связей, в частности, будет содействовать целостному осмыслению ее переводческой деятельности, выразившейся в обращении к текстам не только немецких, но и французских, английских, польских, древнегреческих писателей. Также представляется перспективным отдельное целостное исследование творческого сотрудничества Павловой и А.К.Толстого, благодаря которому, с одной стороны, произошло знакомство немецких читателей и театральной публики Германии с произведениями русского писателя, а с другой – сама Павлова получила выход к русскому читателю, обрела в поздний период творчества связь с потерянной родиной. Имеет смысл и отдельное рассмотрение своеобразия осмысления Павловой знаковых произведений западноевропейских литератур (таких, как «Лорелея» Г.Гейне), явившихся своеобразными «стержнями», вокруг которых в определенные периоды времени сосредоточивалось взаимодействие разных культур и традиций.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях перечня ВАК

1. Попова, О. В. [Родикова О. В.]. К.К.Павлова – переводчик поэзии Юлиуса Гаммера / О. В. Попова, Д. Н. Жаткин // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 1 (26). – С. 39–42.

2. Попова, О. В. [Родикова О. В.]. К.К.Павлова как переводчик стихотворения Генриха Гейне «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten...» / О. В. Попова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 2 (18). – С. 68–76.

3. Попова, О. В. [Родикова О. В.]. К.К.Павлова как интерпретатор поэмы А.Шамиссо «Salas y Gomez» / О. В. Попова, Д. Н. Жаткин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2011. – № 3. – С. 117–124.

4. Попова, О. В. [Родикова О. В.]. Ф. Шиллер в творческом восприятии К.К.Павловой / О. В. Попова, Д. Н. Жаткин // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – №3 (28). – С. 229–235.

5. Попова, О. В. [Родикова О. В.]. Стихотворения Ф.Фрейлиграта «Der Biwak» и «Die SchreinerGesellen» в интерпретации К.К.Павловой / О. В. Попова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 10. – С. 97–101.

6. Родикова, О. В. К.К.Павлова – переводчик стихотворения А.А.Фета «Я вдаль иду моей дорогой...» / О. В. Родикова, Д. Н. Жаткин // Гуманитарные исследования. – 2012. – №1 (41). – С. 101–106.

7. Родикова, О. В. К.К.Павлова – переводчик стихотворений Е.А.Баратынского на немецкий язык / О. В. Родикова, Д. Н. Жаткин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Вып. 10. Филология. – С. 107–112.

8. Родикова, О. В. Поэзия Д.В.Веневитинова в переводах К.К.Павловой / О. В. Родикова, Д. Н. Жаткин // Проблемы истории, филологии, культуры (Москва – Магнитогорск – Новосибирск). – 2012. – № 2 (36). – С. 202–216.

Прочие публикации

9. Попова, О. В. [Родикова О. В.]. К.К. Павлова – переводчик поэзии М.Ю.Лермонтова на немецкий язык (лингвосемантический аспект) / О. В. Попова // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования. – Симферополь, 2011. – С. 197–199.

10. Родикова, О. В. Поэзия А.С.Хомякова в переводах К.К.Павловой / О. В. Родикова // Языковые и культурные контакты различных народов : сб. ст. Междунар. научно-методич. конф. / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского, Приволжский дом знаний. – Пенза, 2012. – С. 81–83.